

С.Н. БУЛГАКОВ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ТАЛАНТА Н.В. ГОГОЛЯ.

Творческое наследие Н.В. Гоголя всегда привлекало внимание исследователей. В.Д. Белинский аттестовал писателя основоположником «натуральной школы» и назвал его именем целый период в истории русской литературы. При этом он ставил Гоголя как писателя выше А.С. Пушкина. «...Мы в Гоголе видим более важное значение для русского общества, чем в Пушкине: ибо Гоголь более поэт социальный, следовательно, более поэт в духе времени», - писал первый критик России [1. Т.5, с.62]. Белинский, таким образом, ограничил содержание произведений Гоголя рамками социальности, а главным свойством его таланта считал способность обличать общественные пороки. Эти оценки на долгие годы определили отношение к автору «Мертвых душ» как к писателю-сатирику и социологу. Соответственно, «Выбранные места из переписки с друзьями», «Авторская исповедь» и «Размышления о Божественной литургии» принято было рассматривать не как итог духовных исканий Гоголя, а как результат религиозно-нравственного кризиса, усугубленного психическим недугом.

Интерес к духовной биографии писателя возродился в эпоху культурного ренессанса начала XX в., когда религиозные философы, по сути, открыли нового Гоголя. Они единодушно сошлись во мнении, что автор «Выбранных мест...» явил новую в русской секулярной культуре тенденцию – индивидуальное, личное искание веры, искание трудное, порой трагическое, но осознанное.

У выдающегося религиозного философа и литературного критика С.Н. Булгакова, на первый взгляд, нет подробного анализа идей и образов Гоголя. О писателе он высказывался вскользь в работах, казалось бы, отношения к Гоголю не имеющих. Почему духовная драма Гоголя не стала предметом исследования критика-философа? Ответ на этот вопрос дает его трактовка сущности и назначения искусства.

В лекции-статье «Русская трагедия» Булгаков писал: «Искусство всегда символично, ибо в символах низшего мира познает высшую реальности». В то же время оно всегда трагично, поскольку, даже если оно познает высший смысл и истину бытия, оно бессильно что-либо изменить в этом мире: в падшем мире оно утратило способность преображать. Искусство, следовательно, есть выражение вечного по-

иска Бога, с одной стороны, и бессилие быть с ним, с другой. Отсюда, делал вывод Булгаков, искусство символично и трагично одновременно [2. Т.2, с. 502, 503].

Однако он не отождествлял трагическое с безнадежностью. Доказательством тому служит его характеристика катарсиса. Вслед за Аристотелем, Булгаков трактует катарсис как нравственное очищение, но возможность его критик-философ связывает с религиозным возвращением человека к Богу, с осознанием героями художественных произведений, а вслед за ними и читателями, что исцеление «много-страдальной души» возможно только «у ног Иисусовых». Но такого рода катарсис может быть вызван явлениями искусства, создатели которых обладают безошибочным религиозным чувством.

Назначением искусства, считал Булгаков, является художественное осмысление антиномий: созидание – разрушение, добро – зло, Бог – Дьявол, свобода в Боге – рабство у Сатаны. Писателем-христианином критик назвал Достоевского. В его произведениях он находил четкое разделение света и тьмы: неслучайно в «Бесах» Ставрогину противостоит Тихон, в «Братьях Карамазовых» Федору Павловичу противопоставлен старец Зосима, Ивану – Алеша. У Гоголя Булгаков не обнаружил обязательные для символического искусства антиномии. По сути, он разделял мнения С.Л. Франка и В.В. Розанова, что Гоголь видел в жизни лишь темную, негативную, порочную сторону, а потому стал писателем зла [3.4]. Даже его ощущение личной ответственности за зло, происходящее в окружающем мире, обостренное нравственное чувство, дошедшее до крайнего выражения, и религиозное сознание, доведенное до апокалиптической точки, не помогли Булгакову увидеть в художественном творчестве Гоголя Божественного начала.

Однако сам писатель верил возрождающую силу искусства. По крайней мере, хотел верить. В «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголь писал: «Если вы узнаете плута не только как плута, но и как человека вместе, если вы узнаете все душевные его силы, данные ему на добро и которые он поворотил во зло или вовсе не употребил, тогда вы сумеете так попрекнуть его им же самим, что он не найдет себе места, куда ему укрыться от самого себя... и тогда вы почувствуете, как благородна наша русская порода даже в плутах» [5, с.342].

К.В. Мочульский заметил, что Гоголь не смог примирить мировоззрение с собственным творчеством и, следовательно, «оправдать царство пошлости и смерти» [6, с.40]. Он подтвердил вывод Булгакова, что автор «Мертвых душ» нарушил важнейшую заповедь литературы, сформулированную Достоевским: «Нельзя оставлять читателя при одной только грязи текущего». Поэтому творчество Гоголя Булгаков относил не к высшему, трагическому по своей сути, а «мистиче-

скому» искусству. Талант писателя он считал «демоническим», обусловленным «...медиумичным состоянием души, ее одержимостью темными силами из иных «планов» бытия, иных миров» [2. Т.2, с.504.505].

Смысл определения «демонический талант» Булгаков раскрыл в статье «Труп красоты». Характеризуя картины П. Пикассо, Булгаков признал мастерство и художественную убедительность их автора. Но эти картины, по его убеждению, оставляют впечатление «непросветленной и беспросветной тяжести, ту же мистическую жуть и тоску» [2.Т.2,с.530]. Демонический талант, делает вывод Булгаков, не вызывает своими произведениями нравственного просветления, катарсиса, на который нацеливает публику настоящее искусство.

В один ряд с Пикассо Булгаков поставил автора «Мертвых душ» и «Выбранных мест из переписки с друзьями». «Скука» Гоголя («скучно на этом свете, господа») – это тоже, подчеркивал критик, своего рода «хула творения Божия». Поэтому ему и виделись одни свиные рыла и мертвые души: неслучайно он сжег второй том своей поэмы. Булгаков объясняет этот поступок тем, что в последние годы писатель «ощутил свое искусство как демоническое, и потому осудил его». «Гоголь, - утверждал Булгаков, знал, что это возможно, и понимал, как это возможно». Доказательством тому критик считал повесть «Портрет», где, с его точки зрения, описана судьба художника, «совершившего грех против Духа Святого» [2. Т.2, с.535]. Когда-то ее герой написал портрет ужасного старика. Создавая его, художник «не чувствовал ...никакой любви к своей работе. Насильно хотел покорить себя и бездушно, заглушив все, быть верным природе. Это не было создание искусства, и потому чувства, которые объемлют всех при взгляде на него, суть уже мятежные чувства, тревожные чувства» [7, с.275]. В этих словах Булгаков нашел ответ на вопрос, почему Гоголь уничтожил второй том «Мертвых душ». Этот поступок, считал критик, был не трагической ошибкой, а нравственным подвигом писателя, отказавшегося от своего соблазняющего творчества во имя духовного возрождения.

Конечно, не все суждения Булгакова о Гоголе воспринимаются в настоящее время как бесспорные. Во многом они были обусловлены философско-эстетической концепцией критика, что не ограждало его оценки от субъективности и односторонности. Но нельзя не признать, что особенно актуально звучит сегодня предупреждение тем, кто решил посвятить свою жизнь искусству: художник, изменивший дару слышать божественный глас, становится достоянием «злобного духа, отравляющего самые истоки творчества, повреждающего художественный глас и оледеняющий сердце» [2. Т.2, с.562].

Литература

1. Белинский, В.Г. Несколько слов о поэме Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души / В.Г. Белинский / Собр. сочинений в 9 т. – М.: Художественная литература, 1976-81.- Т.5 - С.56-62.
2. Булгаков, С.Н. Собр. сочинений в 2 т. / С.Н. Булгаков – М.: Наука, 1993 – Т.2.- 750 с.
3. Франк, С.Л. Религиозное сознание Гоголя. Русское мировоззрение / С.Л. Франк. - СПб.: Наука, 1996. – 163 с.
4. Розанов, В.В. Гоголь и Петрарка / В.В. Розанов // Мысли о литературе – М.: Современник, 1989. – С.501-502.
5. Гоголь, Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями / Н.В. Гоголь / Собр. сочинений в 7 т. – М.: Художественная литература, 1977 – Т.6. - С.284-380.
6. Мочульский, К. В. Духовный путь Гоголя / К. В. Мочульский / Гоголь. Соловьев. Достоевский. - М., 1995. -С. 7-60.
7. Гоголь, Н.В. Портрет / Н.В. Гоголь / Повести. Драматические произведения. – М.: Художественная литература, 1984. – С.253-279.